

ВСЕ КРАСКИ МИРА

К 100-летию со дня рождения
М. Чюрлёниса

О ЧЮРЛЕНИСЕ можно говорить очень много. Он писал картины, сочинял музыку, организовал первый народный хор, проводил музыкальные конкурсы, печатал статьи по искусству, открывал первые художественные выставки. «Чюрленис был душой всего дела, — рассказывал мне его друг художник А. Жмуйдзинавичус. — Он отыскал художников-литовцев, живших в России, Германии, Франции, Америке, и написал их полотна. У нас было мало денег — он сам таскал ящики, обрамлял и вешал картины».

Недаром одним из первых постановлений временной революционной власти в Литве было постановление о национализации его работ: «Все художественные, музыкальные, литературные произведения Чюрлениса, независимо от того, в чьих руках они находятся, передаются трудящимся Литвы». Осуществлению этого помог В. И. Ленин. «Он сказал, что каждый народ должен хранить, уважать, беречь своего гения», — вспоминает о своем разговоре с Лениным сестра художника В. К. Чюрленисте-Каружене.

В Литве имя Чюрлениса знает каждый колхозник, каждый школьник. Впрочем, оно широко известно во всей нашей стране, в каждой республике. Пластинки с записями его музыки выпущены в США и в Австралии, книги о нем выходят в Лондоне, Чикаго, Риме, Париже. Вот и сейчас, в дни юбилея, в ГДР издается монография о нем, во Франции — избранные репродукции. О нем писали Рерих и Добужинский, Горький и Роллан. Его известность измеряется не только книгами и выставками — именем Чюрлениса названы вершина на Памире и скалы острова Гувера в архипелаге Франца Иосифа.

Он был не просто музыкантом, но музыкантом замечательным. Одним из первых он обратился к полифонии, к Баху, одновременно с Дебюсси (не зная его) восстанавливал мелодическое понимание тональности, еще до Вартока претворял богатства национального фольклора в современном профессиональном языке. Воспринимая мир, как проявление единой гармонии, стремился передать музыку живописью, в красочных образах выразить свое чувство ритма, симфонизма природы. Он и Скрябин (а Скрябин в то время занимался проблемами цвето-музыки), по свидетельству Николая Рериха, «всколыхнули множество молодых умов».

Но главным в бессмертном наследии Чюрлениса оказалась его живопись. Всего шесть лет работал он в ней. Но работал так интенсивно, много, споро («мне жаль истратить впустую хотя бы час», — говорил он), что написанное им вошло в классику европейского и мирового искусства. В чем причина этого? В особом мастерстве, в своеобразии творческого почерка? Вряд ли. В те годы работали Матисс, Пикассо, Модильяни: рядом с ними художественные искания Чюрлениса могут показаться скорее робкими. В совершенстве техники? Какая уж техника — Чюрленис писал на самой дешевой бумаге, самыми дешевыми красками; как ни бережно хранятся сейчас его картины, они все-таки стираются, выцветают, гибнут. И тем не менее лучшие музеи мира оспаривают сейчас, кому первому принять выставку его работ после того, как завершилась выставка в Третьяковской галерее в Москве. Думается, что здесь дело прежде

всего в духовной содержательности этих картин, в глубине, силе и масштабности мышления художника. Для Чюрлениса не существовало мелочей — он мерил мир высокими категориями, думал о дружбе, об истине, о жизни и смерти человеческой, о смене веков, о море, земле, небе и звездах.

Мысль его была бесстрашной. Черпая свое начало в простоте и ясности окружающего — в полевых травах, благоухающих под светлеющими предзвездными звездами, в колышущихся на тоненьких стебельках шапках одуванчиков, в ледяных сосульках, мерцающих на зимнем солнце, — она уходила в бесконечную даль. «Знаки зодиака» — называется один из созданных им циклов. «Сотворение мира» — другой. Светлые брызги звезд, борющихся с мраком, солнце и рожденная им на земле жизнь — сплетения голубоватых, зеленых, красных растений, лучи света, озаряющие силуэты людей. Он писал скалы, вздымающиеся из глубины Мирового океана, реющих среди планет земной шар и ребенка, доверчиво и радостно сидящего на лугу — на самой вершине этого шара. Изображенные мысли, сияющими потоками льющейся из глаз, стрелами рвущейся и пробивающей дорогу в космос, не случайно в его творчестве.

Поэт по натуре, он мог опоэтизировать и старый жемайтский крест, и абстрактную идею рождения жизни из хаоса. Во всем — в мерном ритме балтийских волн, во взмахах крыльев ласточек — он ощущал извечную живительную силу жизни. «Каким плодотворным было бы развитие такого содержательного искусства в живописи широких пространств, монументальных фресок, — писал Ромен Роллан. — Это новый духовный континент, Колумбом которого стал Чюрленис». До сих пор идет освоение этого континента. В достижениях науки: съемки земли из космоса показали, как много предвосхитил в своей фантазии художник. В искусстве: на Всесоюзной выставке акварели в июле я увидела, как неожиданно и близко трансформировались идеи Чюрлениса в «Голубой выси» Александра Пилара. В сердцах человеческих: поток людей, ежедневно устремляющихся в Каунасский художественный, в Друскининкайский мемориально-музыкальный музей, подтверждает это.

Убеждена: в эти музеи людей влечет не только творчество, но и стремление постигнуть личность Чюрлениса. Приблизиться к его уверенности в силе добра, нежеланию, более того, душевной невозможности принимать зло или мириться с ним, к его нравственной бескомпромиссности.

Он знал, что человеческая жизнь недолговечна (ему не исполнилось и 36 лет, когда он умер), но не боялся смерти. Искусство было для него и выражением любви к миру, и вечным двигателем человечества, художник — связным в эстафете. «Иди, иди без усталости», — говорил он. — А если цель будет еще далеко и старость тебя настигнет, знай, что там, на дороге, будет скамейка, предназначенная для вестников. И всегда на ней молодые люди».

Если бы нужно было в нескольких словах сформулировать, за что мы особенно любим и ценим Чюрлениса, я бы ответила: за то, что он прокладывал пути в грядущее.

О. ВОРОНОВА.